

**КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД
ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ****Евдокименко Н.Л.**

ГОУ «Гродненский областной институт развития образования»

г. Гродно, Беларусь

Высшая школа Беларуси имеет свою неповторимую историю и, конечно же, определяя стратегию развития современного высшего образования, необходимо учитывать опыт прошлого. То, что удалось сделать за сравнительно короткий срок в отдельной республике достойно уважения. В Беларуси первый национальный университет, получивший статус государственного, был открыт в 1921 году. В то время как история некоторых европейских университетов имеет почти тысячелетний опыт. Поэтому в течение короткого времени приходилось делать в республике то, на что понадобились столетия в других странах. События этого времени, историю создания национальной системы высшего образования и полученный опыт необходимо изучать, анализировать, показывая, как положительные достижения, так и его издержки, просчеты, ошибки.

Необходимо изучение и сопоставление принимавшихся руководством республики и правящей партией решений в отношении высшей школы с их реальными результатами. Анализ и оценка этого влияния позволяет определить его допустимую меру в руководстве высшим образованием, как важной части культурного процесса. Как убеждает нас история и ситуация в современной высшей школе эта проблема не менее ответственна и актуальна, чем в первые годы становления вузов.

Содержание преподавания и в целом качество образования определяется научным потенциалом вузов, наличием и квалификацией научно-преподавательских кадров. Поэтому проблема формирования кадров высшей школы являлась одной из важнейших. Положение с преподавательскими кадрами в период становления высшей школы было крайне сложным. В Беларуси отсутствовала база для подготовки кадров высшей школы, поэтому приходилось приглашать профессоров из столичных вузов, других республик. Привлекались к чтению лекций партийные, советские работники, руководители Наркомпроса республики. Хотя это ни в коей мере не решало проблему кадров высшей школы. Тем более что руководство республики стремилось не прибегать к старым кадрам, опасаясь, что они могут «затереть пролетариат своей большей культурностью», – говорилась в передовой статье наркомпросовского журнала, – могут занять все командные посты в громадном параде советской республики».

Более того, в некоторых вузах, после проведенной реорганизации в конце 20-х годов и увеличения их численности с 4 до 26, положение с кадрами было катастрофическим, приходилось даже прекращать занятия по отдельным дисциплинам. Если взять проблему кадров по отдельным учебным заведениям республики, то, например, в Белорусской сельскохозяйственной академии к 1930 г. не хватало 4 профессоров, 2 доцентов, 13 ассистентов [1]. Из письма ректора БСХА профессора Пинчука в секретариат ЦК КП(б)Б следует, что в академии к 1930 г. по диалектическому материализму было только два преподавателя, не было ни одного квалифицированного специалиста по

экономической политике, методологии планирования. Некому было поручить ведение занятий с аспирантами по политической экономии и диалектическому материализму. Попытки привлечь преподавателей из Москвы не имели успеха. Положение с преподавателями по общественным дисциплинам ректор оценивал как катастрофическое [2].

В Белорусском государственном университете на одном лишь факультете народного хозяйства к концу 1930 г. из 56 научных сотрудников 50 человек работало по совместительству, поэтому на факультете не было постоянного преподавательского коллектива. Отсутствовали преподаватели по 19 общеобразовательным и по 23 специальным предметам. Не было своего преподавательского коллектива и в Белорусском коммунистическом университете. В 1930 г. лишь два преподавателя работали на постоянной основе, остальные по совместительству [3].

Витебский ветеринарный институт испытывал потребность в 10 профессорах, 26 доцентах, 39 ассистентах и 5 младших преподавателях [4]. Минский финансово-экономический институт не мог вовремя приступить к работе ввиду отсутствия преподавателей по большинству дисциплин [5].

В пределах минимальных потребностей на 1930 г. вузы Беларуси нуждались в 10 экономистах, 6 философах, 4 историках, 5 преподавателях теории ленинизма, 3 по истории ВКП(б), 4 филологах, 2 по педагогике и природоведению [6]. Совсем не было руководителей социально-экономических кафедр в шести вузах. Ряд белорусских научных сотрудников работал по совместительству в Москве и других городах страны.

После открытия в 1931-1932 гг. ряда технических вузов положение с кадрами еще более осложнилось. Среди преподавателей втузов было только 6 профессоров, причем ни один из них не преподавал технических дисциплин, а также 26 доцентов и 49 ассистентов [7]. Подавляющее число этих кадров составляли бывшие выпускники втузов, не имевшие опыта работы. Многие из них, окончив московские втузы, переводились в Беларусь и занимали вакансии доцентов, были даже случаи, что сами себя объявляли профессорами. Из-за острого дефицита преподавателей многие курсы технических дисциплин отменялись или же, как это было в энергетическом институте, переводили курс на несколько месяцев в другие города.

Одновременно велась работа по созданию в республике необходимых условий для подготовки нового преподавательского состава учебных заведений. При Главном управлении по науке с 1926 г. работала специальная комиссия. Итогом ее работы было открытие в 1927 г. аспирантуры при Белорусском государственном университете, сельскохозяйственной академии и Институте белорусской культуры, а также создание аспирантских комиссий при вузах. В 1927-28 учебном году был проведен первый набор в аспирантуру и зачислено 94 аспиранта, в следующем году – 110 [8].

Дополнительные трудности создавали жесткие требования соблюдения «классового и партийного принципа» и особенно вызвала тревогу слабая теоретическая подготовка и низкая мотивация будущих аспирантов. Руководители вузов вносили различные предложения и предпринимали срочные меры для пополнения преподавательского состава вузов. Профессора предлагали принимать в аспирантуру только тех студентов, кто проявил научные способности, защитил дипломную работу и сдал экзамены в объеме необходимой программы. Однако эти предложения оставались без внимания.

Более того, классовый принцип и партийность сдерживали приток талантливой молодежи. Наиболее рьяные сторонники этих принципов открыто игнорировали положение об аспирантуре и выражали свое недовольство тем, что в нем главным критерием для зачисления в аспирантуру считалась способность к научной работе, которая определялась непосредственно профессорами вузов.

В 1929 г. введен институт «выдвиженцев» и установлен жесткий контроль за соблюдением классового принципа. Руководству вузами предписывалось, строго придерживаясь классового принципа, принимать в аспирантуру до 70 % рабочих, с таким расчетом, чтобы среди них было не менее 60 % членов КП(б)Б [9]. Была создана комиссия для работы с аспирантами, а также аспирантские бюро при секции научных работников. На местах создавались специальные аспирантские комиссии. Они занимались вопросами разработки программы по подготовке аспирантов, осуществляли контроль за соблюдением принципов отбора, общественной и научной нагрузкой аспирантов. Среди студентов проводили работу по вовлечению их в научные кружки, отбирали будущих кандидатов. Но отсутствие достаточной базы, сокращение сроков обучения, снижение общетеоретических дисциплин в программах практически вело к неуклонному снижению интереса учащихся к исследовательской работе, а проведенная реорганизация вузов привела к полному свертыванию научной работы. Поэтому многие студенты, оставленные в аспирантуре, имели довольно смутные представления о научной работе. Наблюдалось скептическое отношение к «выдвиженцам» со стороны научных работников вузов, «смотрели на них, как на мертвых душ, ничего не делающих, неаккуратных и неуспевающих» [10]. В дальнейшем, ввиду малозффективности, «выдвиженчество в науку» было отменено.

Одной из проблем подготовки будущих научных кадров явилось сосредоточение решения всех проблем не на местах, при вузах, а в вышестоящих органах и созданных комиссиях. Профессура не имела возможности оказывать достаточное влияние на отбор и подготовку аспирантов. Но, несмотря на это, когда к началу 30-х гг. в вузах республики сложилась критическая ситуация с преподавательскими кадрами, бывших руководителей Наркомпроса и профессоров, зачисленных в состав «национал-демократов», обвинили в сдерживании темпов подготовки научных кадров, в составлении «вредительского плана пятилетки», который предусматривал якобы незначительное увеличение набора аспирантов. Если в 1930 г. обучалось 260 аспирантов, 1932 – 412, то к 1933 г. намечалось подготовить в вузах 1000 аспирантов. Совершенно очевидно, что такие темпы в подготовке огромного количества аспирантов были нереальны.

К сожалению, административные методы руководства высшим образованием и в отношении к кадрам становились нормой. У многих руководителей, особенно у тех, кто пришел недавно, тенденции недоверчивого отношения к интеллигенции были довольно сильны. Они требовали ужесточить контроль за работой специалистов. Некомпетентные в вопросах теории, далеко не столь образованные как их оппоненты, уверенные в безошибочности своего «классового чутья», нацеленные на немедленные социалистические преобразования, партийные и другие руководящие работники способствовали внедрению авторитарных методов во все сферы деятельности вузов. Преданность догматам идеологии, политическая

уступчивость, готовность выполнять любые партийные установки, приверженность «генеральной линии» и социальное происхождение ценились выше независимости мышления, широты культурного кругозора, опыта научной и преподавательской работы. Формировалась основная политическая линия в области кадровой политики, в которой новая интеллигенция в вузах виделась послушной исполнительницей верховной власти, обслуживающая интересы партийно-бюрократической системы. Через недоверие к беспартийным преподавателям, усиление контроля за их деятельностью, насилие над негодными было найдено самое простое административное средство решения кадровых проблем [11].

Трагические последствия для профессорско-преподавательских кадров высшей школы, для всей научной интеллигенции имела политика выявления «классовых врагов». Так, в своем докладе на пленуме ЦК КП(б)Б, проходившем в октябре 1930 г., начальник ГПУ БССР Г.Н. Раппопорт прямо заявил, что старые специалисты являются «одним из препятствий на пути к выдвижению бедняцких и рабочих масс», «мы ликвидируем всю эту нечисть, изгоним из Белоруссии для того, чтобы продвинуть вперед и выдвинуть лучшие молодые рабоче-крестьянские силы... Это очистит наши высшие учебные заведения, которые до того были засорены» [12].

«Вытравляя» и «выбрасывая» из вузов неблагонадежных профессоров, ученых перед руководством республики вставал вопрос: кем их заменить? Выход предлагался простой – «взять целую группу пролетариата из завода и, не откладывая ни на один день, посадить их во все важнейшие культурно-образовательные и научные учреждения, как, например, АН в первую очередь, и если нужно, то объявить их академиками» [13]. Это выступление Н.М. Голодеда на пленуме ЦК КП(б)Б (октябрь 1930 г.) нашло свое отражение в создании в январе 1931 г. Института аспирантуры. При нем работали курсы для подготовки лиц, не имевших высшего образования. Главная же цель – подготовить кадры специалистов и научных работников «из людей рабочего класса и вообще трудящихся масс» и тем самым заполнить свободные места в вузах. Однако вскоре даже самим организаторам стала видна абсурдность этих мер и их малоэффективность, поэтому в декабре 1932 г. подготовительные отделения были закрыты.

Не умаляя способностей поколения интеллигенции, пришедшей в вузы по принципу «выдвижения» или партийного призыва, нужно отметить, что большинство из них прошли ускоренный курс обучения, никогда не работали в высшей школе, не занимались наукой, а глубину знаний, культуру, образованность, независимость мышления, собственную позицию и научный авторитет не могли заменить ни революционный энтузиазм, ни преданность пролетарскому делу.

Если говорить о достижениях в подготовке кадров высшей школы, то для них, скорее всего, характерны количественные показатели. Так, если к декабрю 1925 г. в вузах Беларуси работали 202 научных сотрудников, то к концу 1932 г. их насчитывалось 1338. Причем, если в 1925 г. в вузах работало 98 профессоров, то к 1932 г. их было 74 [14].

Следует также отметить, что, несмотря на имевшие место провалы в работе по формированию кадров высшей школы, с первых лет работы вузов кадровой политике уделялось большое внимание. Проводилась политика привлечения старых кадров, им оказывалась всесторонняя материальная помощь. Было

заметно стремление руководителей республики к консолидации интеллигентских кадров, их материальной поддержке, в силу чего вернулись в Беларусь многие ученые, в том числе и бывшие за границей. Но в целом было очевидным, что формирование кадров высшей школы было ориентировано на количество, на создание «массового веса», в особенности после физического истребления части интеллигенции. Лишь немногие ученые осмеливались выступить со своими убеждениями, редко кто из них проповедовал на занятиях со студентами свободный дух и разнообразие взглядов.

Вузовская интеллигенция, подчиненная строгим партийным и классовым принципам, запуганная массовыми репрессиями, растворялась в массе, вынуждена была приспособляться к проводимому курсу. Это снижало сознание ответственности за свои действия и пагубно отражалось на качестве работы преподавательских кадров. Атмосфера недоверия к старой профессуре, к интеллигенции сковывала научный поиск, творческое начало и инициативу, что отрицательно сказывалось на содержании учебного процесса и на прогрессивном развитии высшей школы. Преданные диктатуре пролетариата, поддерживающие линию партии, послушные исполнители воли аппарата, в массе своей состоящие из рабочих и крестьян – такие кадры и нужны были режиму личной власти, удовлетворяли административно-командную систему.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф.4. – Оп.14. – Д.64. – Л.411.
2. Там же. – Л.298.
3. Там же. – Оп.7. – Д.167. – Л.222.
4. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф.102. – Оп.1. – Д.340. – Л.10.
5. НАРБ. – Ф.4. – Оп.14. – Д.65. – Л.94.
6. Там же. – Д.61. – Л.222.
7. Там же. – Оп.20. – Д.91. – Л.415.
8. Там же. – Оп.14. – Д.1. – Л.78.
9. Правда. – 1929. – 15 авг.
10. НАРБ. – Ф.4. – Оп.7. – Д.48. – Л.168.
11. Евдокименко, Н.Л. Формирование научно-преподавательского состава высшей школы Беларуси (1921-1932 гг.) / Н.Л. Евдокименко // Подготовка педагогических и научных кадров историков и развитие исторической науки в Беларуси: материалы респ. науч.-прак. конф., 30 сент. 2004 г., Гродно /под ред. Е.А. Ровбы, А.Н. Нечухрина, И.П. Крена. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 59-60.
12. НАРБ. – Оп.20. – Д.75. – Л.20.
13. Там же. – Д.75. – Л.157.
14. Там же. – Д.91. – Л.415.

УДК 378:63

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ АПК РЕСПУБЛИКИ

Жолик Г.А.

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Конструктивные изменения, происходящие в настоящее время в обществе, затрагивают все сферы его деятельности. Изменяется социальная структура, стираются различия между трудом в сельском хозяйстве и промышленности. Существенным образом изменяется экономика, в ее функционировании все